

4. Брендлер Г. Мартин Лютер: теология и революция / Г. Брендлер. – СПб. : Университетская книга, 2000. – 368 с.
5. Сулимов С.И. Механизм возникновения антисистемы (на примере гуситского движения) / С.И. Сулимов, И.В. Черниговских // Этнічна, моуная і культурная разнастайнасць у сучасным грамадстве: зборник навуковых прац удзельнікаў Міжнар. навук.– практ. канф., 29-30 мая 2014. – Могилев : МДУХ, 2014. – С. 132-137.

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНЫХ ЭТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ УТОПИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

*Даниленко Г.Э.
(г. Донецк, ДНР)*

Феномен утопического сознания, на протяжении последних ста лет притягивающий внимание все большего числа историков, философов, социологов, политологов, в последние годы испытывает невиданный ранее всплеск исследовательского внимания. Причём, общепризнанным является мнение, что классические социальные утопии 16-19 веков, описывающие модель идеального общества, представляют собой заведомо несбыточную красивую мечту о будущем, нереализуемый социальный идеал, картину наилучшей жизни, благословенный рай на земле.

И немногие задумываются над тем, что традиционная социальная утопия необычайно устойчива, многофункциональна и, оставаясь идеальной конструкцией, моделью, оказывает действительное влияние на реальный исторический процесс. Ни одна социальная теория не могла бы обладать такими качествами, не располагая она широкой, четко структурированной системой взглядов на мир, историю, общество, смысл и цели развития человечества. Именно такой, комплексной и развитой, представляется нам утопическая теория. Все перечисленные свойства классической утопии определяются соответствующими атрибутивными качествами, присущими виду социально-прогностического сознания, известному как утопическое сознание.

Утопическая теория в ее классическом виде не есть ни только политическое или экономическое прогнозирование, ни только учение о конечной цели социального прогресса. Под этим понятием

скрывается целый комплекс взаимозависимых и, в смысловом отношении, последовательно располагающихся концептов. Все вместе они и представляют собой классическую утопическую теорию, каждый в отдельности – относительно самостоятельный блок определений, понятий и категорий.

Каждая из этих подсистем – философско-гносеологическая, этическая, политологическая, экономическая, психологическая, педагогическая и пр. – могут существовать и существуют в массовом утопическом сознании. Но, объединенные общей целью конструирования идеальной модели совершенного общества в предельном будущем, они представляют собой едионаправленную цепь подсистем, составляющих в своей совокупности и цельности утопическую теорию.

Если принять, что этическая философия, в отличие от теоретической, направлена на должное, а не наличное бытие, и исходит из понимания некоего идеала как должного, тогда и любая утопия представится нам как этически ориентированная концепция, а в любой этической теории общества мы с неизбежностью обнаружим имманентно присущий ей утопический элемент. И если теоретическая философия является лишь фундаментом утопии, критически предпосылающим основанием ее, то последняя – есть сущностно этическая концепция, а утопическое сознание, соответственно, сущностно этически направленный тип сознания.

Для утописта все, что можно включить в понятие «социальное», выступает явлением этическим, моральным. Поэтому типологически определяющим объектом утопической социальной философии является этика. Без этого понимания невозможно понять ни основных интенций утопического сознания, ни этической направленности утопической воли, ни практической деятельности утопистов. Все этически ориентированные теории, к каким, безусловно, относятся и утопические, оперируют не отвлеченными «идеями» теоретической философии, а «ценностями», организующими, воспитывающими и обладающими практической силой в виде регулятивных принципов, лежащих в основе возможности определенных действий. Благодаря им утопия становится мировоззрением, определенным типом мировоззрения, включающим в себя черты и качества близких, каждый по-своему, мировоззренческих типов – мифологического и идеологического.

Утопист трактует этику эвдемонически, т.е. через призму высшего ценностного критерия – счастья. Человек хочет быть счастливым и это признается высшим законом, также счастливым хочет быть и общество как целое. Поэтому счастье человечества является абсолютным благом и конечной целью истории. Как и любое другое холистическое мировоззрение, утопия формулируют свой естественный этический закон, который хотя и может нарушаться отдельным человеком, в целом придает целенаправленность и целеустремленность всему утопическому обществу. Человек может и должен обнаружить этот естественный закон и определяемую им ценностную иерархию, но изменить ее он не может. Самой природой предназначено естественное равенство людей, такова естественная, природная справедливость. Из этого суждения необходимо следует программный тезис большинства, если не всех, утопистов-эгалитаристов, состоящий в утверждении стремления к равенству в правах на труд и распределению его продуктов, а также к равенству воспитания, которое позволит обеспечить, если у кого-то есть сомнения в природном равенстве, одинаковые и равные способности.

Идея эгалитарной справедливости, как природной, так и социальной, – неотъемлемое свойство утопического сознания, как идея равного распределения благ – доминирующая идея утопической теории справедливости. Аскетизм и эгалитаризм выступают двумя коррелируемыми аспектами утопического понимания справедливости. Аскетизм в потреблении ведет к аскетизму в производстве, а эгалитаризм в системе распределения ведет к уравниванию производительных возможностей. Эгалитарное же нормирование производства определяется, с одной стороны, равными от природы способностями всех и каждого, с другой – требованиями утопической социозетики, но никак не соображениями экономического характера. Предполагая в своем проекте наилучший, как он полагает, способ организации общественной жизни, утопист стремится стабилизировать этот гипотетический статус-кво и для этого вводит в утопию такие механизмы, которые обеспечили бы сохранение этих наилучших порядков.

Равенство как право переходит в унификацию образа жизни, равенство как закон природы становится основанием и обоснованием утопического представления о счастливом обществе. Быт

утопийцев более всего удивляет своим однообразием и бесцветностью.

Эта картина утопического быта очень важна для понимания как утопической теории в целом, так и для понимания идеала счастья утопическим сознанием в частности. Важна как символ, как наиболее доступный и показательный пример реализации такого атрибутивного принципа утопического сознания, как униформизм. Единообразие распространяется и на такие, казалось бы, безусловно свободные и творческие сферы человеческой деятельности, как философия, религия, наука, искусство. Практический униформизм в утопическом мире преодолевает все допустимые здравым смыслом границы. Вслед за унификацией хозяйства, воспитания и быта к единому стандарту приводятся языки и обычаи, ритуалы и праздники – сначала в локальной Утопии, а затем и в едином унитарном всечеловеческом обществе.

Анализ приведенных в списке литературы работ (заметим, проанализированные труды являются наиболее популярными утопиями в 16, 17, 18 и 19 веках) позволяет выделить некоторые составные части идеальной модели этической теории. *Во-первых*, констатация всеобщего и абсолютного природного равенства способностей и, как следствие, естественных прав всех людей. На этом утверждении базируется утопическая теория справедливости. *Во-вторых*, из первого логически имплицитно вытекает неизбежность эгалитарного принципа утопической социологии и коррелятивно с ним связанный принцип унитарности. *В-третьих*, монистический и статичный характер утопического определения социального счастья. В этом суть утопического учения о полной осуществленности, завершенности идеала счастья в идеальном обществе Утопии.

Список литературы

1. Дезами Т. Кодекс общности / Т. Дезами. – М.: Изд-во АН ССР, 1956. – 546 с.
2. Кабэ Э. Путешествие в Икарию / Э. Кабэ. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – Т. 1, Т. 2.
3. Кампанелла Т. Город Солнца / Т. Кампанелла. – М., Изд-во АН СССР, 1954. – 225 с.
4. Мабли Г. Избранные сочинения / Г. Мабли. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 230 с.
5. Мор Т. Утопия / Т. Мор. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – 415 с.